

Неужели никому не нужно, чтобы в Канне крикнули: «Хрусталеv, машину!»

Почему питерский режиссер Алексей Герман решил переехать из родного города в Москву? *Комс. правда, — 1997*

На «Ленфильме» Алексей Герман снял три эпохальные картины. После каждой его со студии выгоняли.

Выручал Константин Симонов. Он заступался за режиссера, просил, чтобы дали возможность работать. Последний раз, уже перед смертью, писатель ходатайствовал о фильме «Мой друг Иван Лапшин». Разрешили, после чего выгнали снова.

Сейчас на разрушенном и пустынном «Ленфильме» Алексей Юрьевич заканчивает картину «Хрусталеv, машину!». Работает тщательно, как было принято у мастеров в советском кинематографе. Скоро фильм будет готов — и никто не собирается его ниоткуда выгнать.

Теперь Алексей Юрьевич, уже по собственному почину, уедет из города, который до сих пор называет Ленинградом.

— Почему?

— Тоска. Многие умерли здесь, другие уехали. Что-то рассыпалось в этом мире. Умерла мама. Сын учится в Москве. Мы остались с женой в огромной квартире, и выяснилось, что живем с собакой и кошкой в одной комнате, и я по три месяца не захожу в остальные.

Я не склонен считать, что — ах! — начну бешено зарабатывать в Москве. Все будет зависеть от того, какого уровня я снял картину. Допустим, высокого. Поверьте, все в моей жизни тогда будет благоприятно.

Из досье «КП»:

Фильм «Хрусталеv, машину!» был задуман в 91-м году. Съемки растянулись по причине очень будничной — проблемы с финансированием. Во Франции уже сейчас, до премьеры, критики объявили картину шедевром, о чем сообщила пресса. В Канне фильм ждут с 95-го года. В этом году, кстати, в конкурсе не было ни одного нашего фильма.

И на Венецианский фестиваль «Хрусталеv, машину!» уже опоздал.

— Довлатов считал, что, переезжая, люди просто меняют одни заботы на другие. Какие заботы ждут вас?

— У меня есть кое-какие предложения от театров. Достаточно симпатичные. Говорят, что кинорежиссеры не могут работать в театре. Но это не так. Я не сравниваю, но ведь существует Бергман...

А пока для меня очень важно приглашение от БДТ имени Товстоногова. Вообще если будут деньги, то я с удовольствием буду

работать и здесь. В Ленинграде у меня много друзей...

— Какое событие могло бы удержать вас здесь?

— Я не верю, что может что-то перемениться. Хотя несколько дней назад случайно прочел в газете маленькую заметку о конкурсах в вузы. О том, что стал помышлять конкурс в театральный институт, в литературный, в мухинское училище. Я так обрадовался, что все время ходил и об этой заметке вспоминал. Ведь замечательно, что эти мальчики и девочки хотят быть достойными людьми.

Я недавно был председателем выпускной комиссии очень большого творческого вуза. И всем поставил «пятерки», и ушел. Все! Потому что я их всех любил. За то, что они идут в эту жизнь не хапать, не рвать, а служить тому, что любят.

Вот от этого у меня замечательное настроение, с которым я последнее время живу.

— Почему Москва? Не Нью-Йорк или Париж?

— Ленинград давно съехал на уровень Воронежа. И я это говорю вовсе не для того, чтобы обидеть Воронеж. Неизвестно, как сложится жизнь в Москве. Как бы ни сложилась, но будет по-другому.

Почему не эмиграция? Уезжать из страны — это трагедия. И писатель, и режиссер, да кто угодно складывается из компонентов любви и нелюби к тому, что он хорошо знает. Из воспоминаний детства, отрочества, из стука каблучков по асфальту своей девушки, из того, как цветет сирень.

Все это неинтересно там. Они хотят знать, как стучат каблучки их девушек...

— Где вы будете жить в Москве?

— У меня уже есть квартира на Таганке.

— Больно уезжать из родного города?

— Во-первых, я не совсем уезжаю. У меня здесь куплена мансарда на Кронверкской. А во-вторых, больно. Больно уезжать из отцовской квартиры.

Я все время думаю, почему меня постоянно спрашивают об отъезде. Ведь это естественно. Кто-то куда-то все время переезжает. Но у меня это стало какой-то политической акцией, которая вовсе не задумывалась. Я никогда не выезжал из Ленинграда в знак протеста. Жизнь была разной. Иногда — лучше, обычно — хуже.

И сейчас это не связано с разногласиями с новыми градоначальниками. Если от каждого градоначальника убежать, то места себе в этом мире не найдешь. Тут, что называется, проехали...

Но просто очень смешно. При Собчаке мне выделили крупную сумму на съемку фильма. Потом власть переменялась — и деньги срочно потребовали вернуть. Затем последовали какие-то штрафные санкции, и с нас стали требовать огромные пени. Съемки фильма постоянно останавливали.

Эти начальники думают, что первые до такого додумались. А я уже старый и все это проходил. Мои картины то 15 лет лежали на полках, то 4 года. Когда меня выгоняли, я был вынужден работать под чужой фамилией. Но проходило время, картины, которые объявлялись Бог знает чем, получали Государственные премии.

И эти люди, мешавшие работать, потом передо мной извинялись. Я представляю, как через какое-то время мне некие господа будут жать руки и говорить: «Алексей! Мы же знали! Ты ведь наш!». Они все делают на каком-то этапе доброжелателями.

Мне обидно. Ну неужели не хочется, чтобы на фестивале в Канне была представлена картина «Ленфильма»? Я постоянно защищаюсь от собственного города.

Но сейчас наконец-то все стало на свои места: художник и власть. Они не любят меня, я не люблю их. Ну так дай Бог им здоровья!..

Зинаида ЛОБАНОВА.

Фото Стаса ЛЕВШИНА.

Санкт-Петербург.